Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Лоренс Лабади
Что ждёт человечество?
1970

Скопировано 12.11.2020 с
https://discours.io/expo/literature/essay/chto-zhd-t-chelovechestvo-filosofiya-anarho-pessimizma-lorensa-labadi
Фрагмент из книги ”Анархо-пессимизм: тупики политической мысли” (Лоренс Лабади, CHAOSSS/PRESS, 2020)

ru.theanarchistlibrary.org

Что ждёт человечество?

Лоренс Лабади

1970

Как человечество докатилось до нынешнего состояния, когда группы людей, называемые «нациями», балансируют на краю, едва удерживаясь от того, чтобы истребить друг друга, сделав землю непригодной для органической жизни?

В былые эпохи, в периоды полнейшей нехватки ресурсов, когда имеющиеся средства к выживанию оказывались несопоставимы с потребностями всех членов общества, желание разделить доступные ресурсы поровну между всеми было чревато тем, что никто не испытал бы в них достатка и смерть грозила бы всем. В таких обстоятельствах ради продолжения жизни кто-то должен был умереть, чтобы выжить могли другие. На основании чего могло приниматься такое решение?

Допустим, эти люди обнаружили, что съестного у них достаточно лишь для пропитания половины из них. Каждый человек хочет жить; самосохранение – первичный инстинкт. Абсурдно полагать, что кто-то добровольно согласился бы умереть от голода ради спасения остальных. Эти люди столкнулись с биологической потребностью, а

не с проблемой нравственной оценки. Вполне естественно такая ситуация выливалась в потасовку. Выживали те, кто был менее всего разборчив в средствах и обладал большей физической силой и смекалкой. Факторами, определяющими исход борьбы, были грабёж и непредумышленное убийство. Всё это наверняка имело место *внутри* племенных сообществ.

По мере того как грабёж и убийство, сколь это ни печально, становились необходимы с точки зрения выживания племени в условиях нехватки ресурсов, приходило осознание того, что одно племя могло бы грабить и убивать членов другого племени. Поскольку в этом деле мужчины проявляли больше сноровки, чем женщины, возникло разделение труда: мужчинам полагалось сражаться, в то время как женщины занимались работой и воспитанием детей. По-видимому, с тех пор началось порабощение женщин, и в последующих набегах их брали в плен вместо того, чтобы убивать; вероятно, именно так в обиход вошло многожёнство, и теперь сильнейшие мужчины содержали большие гаремы и наложили запрет на похищение женщин друг у друга. Если все мужчины погибали в бою, жизненный уклад племени, по всей видимости, менялся на матриархат.

Силой воображения мы можем перенестись во времена, когда в суете, сопровождавшей набеги, некоторые из жертв нападений избежали убийства, но оставались калеками, хотя и были способны снова добывать себе пропитание. Когда это было подмечено и стало очевидно, что таких людей можно будет грабить неоднократно, у хищников зародилась великая идея. Пришло осознание, что вовсе необязательно убивать кого-то, чтобы завладеть его пожитками; этого человека можно поработить и эксплуатировать. Это оправдывалось не только практическими, но и гуманитарными соображениями в том смысле, что чеили то, что Эйзенхауэр окрестил военно-промышленным комплексом.

Силы, действующие в настоящее время, поддерживают общую тенденцию, напоминающую улицу с односторонним движением и ужасающую тем более, что этот процесс никто не способен понять – даже те, кому вроде как вменяется им «руководить».

Каждый льёт воду на чью-то мельницу в рамках всего этого гигантского и бессмысленного предприятия. Сегодня в игру вовлечено не менее полудюжины могущественных сил, и все они работают на достижение одной общей цели, встречая лишь крайне слабое противодействие, и цель эта – небытие. Поголовное вымирание. Так ли уж важно, если гибель будет одновременной, а не поочерёдной, когда дело касается отдельного человека?

Вопрос больше не в том, чтобы «выбрать» хорошую или лучшую *систему*, а в том, есть ли будущее у жизни на этой земле.

Поскольку человек не собирается ставить крест на централизованном управлении, централизованное управление поставит крест на человеке.

существовании. Правительства и военные твердят, что они защищают население от врагов, но не будь никаких врагов, их потребовалось бы изобрести – просто для того, чтобы как-то доказать свою необходимость. Законники процветают на раздоре, и разве отыщется нечто более желанное, чем общественные волнения, обещающие симпатичные гонорары? Врачи процветают на людских болезнях; что бы они делали, если бы все в одночасье выздоровели? Стресс и усталость от крысиных бегов таят в себе целый Клондайк для особого класса оппортунистов, что именуются психологами и психотерапевтами. Неутомимые проповедники и моралисты, взимая свою копеечку, процветают благодаря разгулу греха и боязни угодить в ад, так что и им приходится подогревать надежды и страхи, избавление от которых они станут сулить.

Та часть правительства, что занимается вопросами «здравоохранения, образования и социальной защиты», раскручивает ещё одну мошенническую схему. Сперва мы в огромных количествах производим малоимущих людей, учреждая монополию на землю, деньги и патенты на исключительное пользование идеями, воздвигая тарифные барьеры с целью защитить монополии от зарубежных конкурентов и облагая налогами тружеников, чтобы субсидировать зажиточных фермеров и привилегированных промышленников. Затем мы открываем вакансии для «социальных» и тому подобных работников, дабы те заботились о нуждающихся, и тем самым порождаем институционализированный феномен, перманентный и усугубляющийся сам по себе.

Вторжение во Вьетнам, предпринятое правительством США, – очередная авантюра, призванная не только рационально обосновать существование множества разнообразных военных ведомств, но и обеспечить работой масштабную индустрию по производству военной техники,

ловеку могла быть дарована жизнь под залог. Завоеватели превратились в хозяев, а побеждённые – в рабов. Хищничество стало организованным и вошло в норму, ибо человек – это существо привычки.

На протяжении всей истории вторжение, завоевание, усмирение, порабощение и эксплуатация были в порядке вещей, и этот фактор в наибольшей степени окрашивает человеческие взаимоотношения даже и в наши дни. Правительство и такая институция, как государство, попрежнему воспроизводят систему отношений между завоевателями и их жертвами; и во все периоды так называемого Национализма отношения между государствами были пропитаны той же взаимной враждебностью, что свойственна хищникам. Всякая централизованная власть стремится увеличить сферу своего влияния и число людей, которых она могла бы эксплуатировать. Со своих «подданных» господа взимают дань, скрывая её за эвфемизмом «налогообложение». Как некая институция, государство, любое государство, по определению является врагом народа, над которым простирается его власть. В складывающихся между ними отношениях господ и рабов последние выступают в роли пешек, которыми правительства, пытающиеся друг друга переиграть, могут жертвовать в угоду своим властным амбициям. И дело не только в том, что правительства, помыкающие этими рабами, используют их и грабят, но и в том, что ограничиваются возможности этих людей к тому, чтобы обеспечить себя, а их время, энергия, имущество и даже сами личности и жизни приносятся на алтарь в тех войнах, что развязывают между собой их повелители.

Правительство изображается как аппарат по обеспечению защиты, а политики бьют себя в грудь, заверяя нас в том, сколь пекутся они о нашем благополучии. Но если нас нужно защищать, то должна быть и какая-то угроза,

и, пожалуй, достаточно очевидно, что угроза эта исходит от других правительств. Вот так эти хищнические институции под названием государство и поддерживают друг друга. В любом случае, за неимением какого-либо врага потребовалось бы его изобрести. Если нужно указать, кто в доме сукин сын, мы всегда тыкаем пальцем в сторону соседа. Таким образом, неотъемлемой частью жизни миллиардов людей по всему миру становится страх, который прививается им, в то время как они остаются в полном неведении о том, что, с точки зрения мира и благополучия, не говоря уже о личной свободе, их настоящими врагами являются те самые правительства, что ими повелевают. Никакое «государственное» правительство не станет терпеть пересуды о том, что оно (в лице тех, кто фактически удерживает власть в своих руках) и есть подлинный враг народа. Поэтому все правительства могут быть единодушны в одном: анархисты сеют смуту и хаос. Эта противная рассудку игра воспроизводится практически повсеместно на протяжении всей обозримой истории – и сегодня она достигает небывалой степени зрелости и порочности.

Из-за того, что реальные хозяева и бенефициары монополистических привилегий не обязательно заняты в законотворческой, юридической и правоохранительной сферах, смазываются контуры отношений господ и рабов. В некоторых странах эта тенденция ускользает от взгляда ещё и в силу того факта, что монополистические привилегии даруются в обезличенном порядке, отчего создаётся видимость равенства возможностей и того, что рабы теоретически могут занять место хозяев, и наоборот.

Ни один человек не способен нанести значительный вред этому миру, если только он не может убедить или вынудить большое число людей выполнять его повеления, в чём и заключается квинтэссенция централизованной власти. И сколько бы ни говорили о том, что сила – в един-

му уничтожению планеты возросла как минимум десятикратно в стремлении достичь баланса устрашения, ведь это, если послушать наших защитников, служит верным залогом мира. Как съязвил один острослов: «Если это не безумие, то что же?!»

Вся экономика США стала неким подобием бездумной авантюры. Работая локтями в погоне за деньгами, некоторые люди творят многое зло и болезни, открывая дорогу целым профессиям, призванным смягчать или «излечивать» творимое зло. Политики, духовенство, законники, психотерапевты, врачи, работники образования, производители косметики, судейские, рекламщики и т. д. и т. п. – в действительности, практически *вся* экономическая и псевдоэкономическая активность может проиллюстрировать вышеозначенный тезис.

Если читателям покажется, что мне так и не удалось убедительно обосновать сценарий истребления и соскальзывания в небытие, я призвал бы их обратить свой взор на феномен, который, кажется, не получает должного внимания. Любая экономика, характеризуемая, помимо прочего, слабостью рыночного спроса, сталкивается с проблемой того, как поддерживать на ходу промышленное производство и обеспечить всеобщую занятость. В столь неустойчивой и удручающей ситуации жульничество становится «образом жизни». В погоне за долларом все средства хороши: плановое устаревание, низкопробные товары, фальсификат вместо еды, тревожность и раздражение, всё что угодно. Широкие слои населения вовлекаются в профессиональную деятельность с мыслью о том, чтобы противодействовать тем формам зла, которые – и это, видимо, даже не приходит им на ум – порождены, как выясняется в конечном итоге, концепцией госуправления. Зарабатывая на жизнь профессиональными поисками противоядий от этих зол, люди неизбежно находят личный интерес в их

людей, населяющих землю, пожалуй, едва ли хотя бы у одного человека из миллиона достанет ума, чтобы распознать этот обман. Независимо от того, воспринимается ли государство как необходимое зло или как явное благо, принято считать его чем-то незыблемым, сродни закону притяжения. В свете этого было бы совершенно нелепо ожидать, что всеобщая борьба за власть между правительствами (само существование которых подкрепляется взаимными угрозами в адрес друг друга) могла бы в перспективе окончиться чем-то иным, нежели коллективным истреблением человеческого рода.

Люди сами по себе ни хорошие ни плохие, однако они испорчены глубоко несообразными и вредными институциями. Люди стали случайными жертвами своих промахов, особенно тех из них, что способствовали бесконечному воспроизводству деятельности, которая, пусть некогда и служившая процветанию жизни в тех конкретных исторических обстоятельствах, стала настолько враждебной всему живому, что теперь самой жизни угрожает уничтожение.

На протяжении тысячелетий непрекращающаяся война между организованными бандами, что зовутся правительствами, практически никак не сказывалась на тенденции к продолжению жизни вообще. Вполне очевидно, что средства человекоубийства и разрушения вплоть до наших дней никогда не отличались достаточной эффективностью, чтобы гарантировать, что всеобщее истребление наступит прежде, чем конфликты будут исчерпаны по причине банального истощения. Это скромное препятствие удалось преодолеть с лихвой, и заслуга в этом принадлежит подручным учёным и инженерам, внёсшим свою лепту в эту авантюру, благодаря которой отсталые экономические системы получили стимул к развитию и определённые люди обогатились, а тем временем общая способность к полно-

стве, разве это что-то доказывает? Это в равной степени справедливо в отношении злых и добрых дел.

Когда речь заходит об институционализации, дело принимает несколько иной оборот. Ведь институции подчиняются логике и силам, над которыми не властны люди, их составляющие. Эти силы, особенно те из них, что введены в действие на постоянной основе, не только не могут быть «безупречными», но чреваты последствиями, прямо противоположными тем, что задумывались изначально. Отсюда произрастают корни того, что принято называть социальными противоречиями. Эти противоречия не возникли бы – да и не могли бы возникнуть – в свободном или анархическом обществе.

Тот факт, что перманентный институционализм, особенно в сочетании с централизованной властью и принуждением, немедленно начинает вырождаться и превращается в нечто, несовместимое с жизнью, нашёл своё отражение в известной присказке о том, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно», – люди поверхностные видели в этой фигуре указание на то, что, если бы им удалось сломать довлеющую структуру власти, альтернативу которой они видели в себе самих, тем самым им удалось бы решить некую проблему. Такая форма бездумной самоуверенности лежит в основе программ, излагаемых консерваторами, либералами, марксистами, равно как и самозваными революционерами и этатистами вообще. Конституционалисты, республиканцы, демократы и фашисты отмечены той же зловещей печатью – это могильщики, готовые похоронить идею личной свободы для всех.

Что же касается населения в целом, то, куда бы мы ни обратили свой взор, более всего оно озабочено тем, как бы ему исхитриться и выжить внутри той культуры, жертвой которой оно является, – более всего эта публика на-

поминает детский пластилин, из которого лепят что им вздумается не знающие запретов хищники, которые, похоже, представляют собой столь же неотъемлемый элемент любой известной человечеству цивилизации. Когда речь идёт о материальных благах, не приходится сомневаться, что эти преступные хищники неизменно снимали все сливки. А что до наивных, хотя и героических, глашатаев доктрины «живи и позволь жить другим», то, поскольку они всегда оказываются в оппозиции к Установленному Порядку, им придётся мириться с тем, что их будут преследовать и клеймить, распинать на кресте, травить цикутой или уничтожать любыми другими способами.

Язык насилия – единственное наречие, понятное миньонам Установленного Порядка, и насилие же служит средством ниспровержения всякого порядка – установленного или иного. Именно насилие будет средством самоистребления человечества. Случалось ли такое, что человек изобретал какой-либо новый неслыханно эффективный способ массового убийства своих собратьев и не воспользовался таковым?

Пока люди с верою в сердце уповают на то, что нечто внешнее к ним, будь то Бог, Человек или Дьявол, Санта-Клаус или некая институционализированная абстракция, сулит им спасение, они будут носиться кругами, словно куры с отрубленными головами.

Практически в каждой части мира порядка 80% земли и природных ресурсов находится в собственности или управлении лишь у двух процентов населения, тогда как вопросы выпуска денег и кредита – приводных ремней кооперации – решаются в кругу из нескольких человек.

Описываемое мной преступное положение дел – не столько персонального, сколько институционального характера – царит в любой стране мира. Никто не называет его «преступным» лишь потому, что властью наделены как

раз те, кто принимает решения и законы, а эти персоны не станут описывать себя или те институции, которые приносят им прямую прибыль, как нечто преступное. Эти законы старательно создаются с мыслью о том, чтобы преследовать и устранять жертв, которые осмелятся протестовать или оказывать сопротивление либо попытаются воспользоваться любыми подручными средствами, чтобы остаться в живых. Такие схемы поддерживают себя сами, не зря же Цезарю приписывают слова о том, что «с деньгами ты можешь набирать солдат, а с солдатами можешь отбирать деньги».

То же самое можно сказать и о наёмных прислужниках, кои зовутся историками, докторами социальных наук или преподавателями гражданского права, – запертые по своим рабским анклавам, имя которым «национальные государства», эти столь же не склонны, не имея к тому даже возможности, публично признавать, что прогрессирующие и вырождающиеся монстры Франкенштейна, их правители, не то чтобы близки к совершенству или что рядовые пособники этих организованных монополий на применение насилия – далеко не благородные и жертвующие собой люди, сердце у которых обливается кровью, пока мысли их заняты массами, находящимися у них в попечении. Что и говорить, сложно припомнить, чтобы какой-нибудь политик, нацелившийся на должность повыше, не заламывал бы смятенно руки, распекая за нерадивость как раз того политика, чьё место он жаждет занять. Миллионы долларов расходуются на всевозможные выборы, причём на зарплаты или стипендии назначенцев приходится лишь малая часть этих средств. Всё это наводит объективного наблюдателя на мысль, что политики скупаются оптом, как бананы, – теми, кто назначит наибольшую цену.

Самое поразительное свойство феномена политики вообще заключается в том, что среди нескольких *миллиардов*